

УДК 347.91(476)

РАССМОТРЕНИЕ СУДАМИ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С УСТАНОВЛЕНИЕМ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ: О НЕРЕШЕННЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ

В. П. СКОБЕЛЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется ряд проблем, с которыми сталкиваются суды при рассмотрении дел об установлении происхождения детей. В частности, автор рассматривает такие вопросы, как допустимо ли принимать исковое заявление к производству, если место жительства ответчика неизвестно, по чьей инициативе подлежит применению срок исковой давности, каковы условия принятия судом отказа истца от иска и признания иска ответчиком, может ли процесс утратить свой предмет. На основании этого сделаны предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: установление отцовства; оспаривание отцовства; гражданское судопроизводство; место жительства ответчика; отказ истца от иска; признание иска ответчиком; изменение основания иска; предмет процесса.

COURT REVIEW OF CASES RELATED TO THE DETERMINATION OF THE ORIGIN OF CHILDREN: ON UNRESOLVED PROCEDURAL PROBLEMS

V. P. SKOBELEV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyses some of the problems that courts face when considering cases of establishing the origin of children. In particular, the author considers issues such as whether it is permissible to accept a statement of claim for proceedings if the defendant's place of residence is unknown, on whose initiative the limitation period is applicable, what are the conditions for a court to accept a plaintiff's refusal of a claim and recognition of the claim by the defendant, whether the process can lose its subject. On this basis, the author of the article makes suggestions for improving the legislation and practice of its application.

Keywords: establishment of paternity; contesting paternity; civil proceedings; place of residence of the defendant; the plaintiff's refusal of the claim; recognition of the claim by the defendant; change in the basis of the claim; subject of the process.

Введение

Нормы ч. 1 ст. 185 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), ч. 1 ст. 15 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII

«О правах ребенка» закрепляют право каждого ребенка знать обоих своих родителей, право на заботу и внимание с их стороны, на совместное с ними

Образец цитирования:

Скобелев ВП. Рассмотрение судами дел, связанных с установлением происхождения детей: о нерешенных процессуальных проблемах. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2020;3:84–93.

For citation:

Skobelev VP. Court review of cases related to the determination of the origin of children: on unresolved procedural problems. Journal of the Belarusian State University. Law. 2020;3:84–93. Russian.

Автор:

Владимир Петрович Скобелев – кандидат юридических наук, доцент; заместитель декана по заочной форме обучения.

Author:

Vladimir P. Skobelev, PhD (law), docent; deputy dean for distance education, faculty of law.
s_v_p@tut.by

проживание. Соответственно, дела, связанные с установлением происхождения детей (прежде всего дела об установлении или об оспаривании отцовства), имеют большое социальное значение и нуждаются в особых процессуальных гарантиях, призванных обеспечивать правильное рассмотрение и разрешение судами данных дел. Указанные гарантии (в целях их дальнейшего развития и совершенствования) уже неоднократно становились предметом исследования ученых¹ [1, с. 114–140; 2–4; 5, с. 139–187; 6, с. 5–70; 7, с. 68–112]. Однако вплоть до настоящего времени в этой сфере остается ряд нерешенных проблем. Некоторые из них имеют отношение к спорным разъяснениям, со-

держащимся в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 1991 г. № 12 «О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей» (далее – постановление Пленума № 12) и постановлении Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2016 г. № 6 «О судебной практике по делам об установлении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях» (далее – постановление Президиума № 6). Другие касаются отдельных не совсем верных тенденций отечественной правоприменительной практики.

Основная часть²

1. В п. 5 постановления Пленума № 12 разъяснено, что с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов истец вправе обратиться в суд по месту жительства ответчика либо по месту своего жительства; если место жительства ответчика неизвестно, то в силу ст. 149 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) суд может объявить его розыск, т. е. отсюда следует, что при неизвестности места жительства ответчика исковое заявление об установлении отцовства и взыскании алиментов может быть подано по месту жительства истца и подлежит принятию судом к производству. Подобная точка зрения – о возможности возбуждения дела при неизвестности места жительства ответчика – была высказана высшей судебной инстанцией страны и относительно некоторых иных ситуаций. Так, в ч. 1 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2012 г. № 9 «О практике рассмотрения судами дел в порядке заочного производства» указано: «Судам надлежит иметь в виду, что в случаях возбуждения дела при неизвестности фактического места пребывания ответчика (ч. 1 ст. 47 ГПК), в том числе и при розыске ответчика (ст. 149 ГПК), применение правил заочного производства не допускается».

Отстаивая данную точку зрения, высшая судебная инстанция, вероятно, исходит из того, что гражданские процессуальные нормы (ссылки на некоторые из них даны в приведенных постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь) санкционируют возбуждение и рассмотрение гражданского дела в отношении физического лица, чье место жительства является неизвестным. В частности, против такого лица ч. 1 ст. 47 ГПК по-

зволяет предъявление фактически любого иска, п. 3 ч. 1 ст. 394 ГПК – иска о взыскании расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, ч. 2 ст. 464-1 ГПК – заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение медиативного соглашения, ст. 2, ч. 1 ст. 11 приложения 4 к ГПК – ходатайства о разрешении принудительного исполнения иностранного судебного или арбитражного решения. Кроме того, п. 2 ч. 2 ст. 51 ГПК наделяет ответчика, место жительства которого ранее не было известно, правом заявить ходатайство о передаче дела в суд по месту его жительства; п. 2 ч. 1 ст. 77 ГПК предусматривает назначение судом представителя ответчику, место жительства (место нахождения) которого неизвестно; ст. 149 ГПК закрепляет право (для некоторых категорий дел – обязанность) суда объявить через территориальные органы внутренних дел розыск ответчика, чье место пребывания неизвестно; ст. 148 ГПК регулирует условия, по выполнению которых суд вправе приступить к рассмотрению дела при неизвестности фактического места пребывания ответчика.

Однако Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь не было учтено другое очень важное предписание процессуального закона. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 109 ГПК каждый процессуальный документ должен содержать в том числе указание на место жительства (место нахождения) всех имеющих непосредственный интерес в исходе дела лиц, т. е. и ответчика тоже. Исключений из данного правила не установлено, а несоблюдение правила влечет оставление процессуального документа без движения с последующим (при неустранении недостатка) его возвращением заявителю (ст. 111 ГПК). Иначе

¹Гришин И. П. Судебное установление отцовства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 1976. 17 с. ; Кошкин В. М. Судебное установление отцовства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1972. 21 с.

²В настоящей работе цифрами с точкой обозначается нумерация имеющих отношение к теме исследования проблемных вопросов, которая (нумерация) отражает логические взаимосвязи между данными вопросами и соответствует избранной автором концепции относительно их освещения в статье.

говоря, отсутствие в исковом заявлении сведений о месте жительства ответчика, несмотря на уважительность причин такого отсутствия и несмотря на наличие в ГПК норм, позволяющих рассмотреть дело даже при неизвестности места жительства ответчика, исключает возможность возбуждения производства по делу.

Вообще стоит заметить, что правило п. 3 ч. 1 ст. 109 ГПК о необходимости приведения в исковом заявлении информации относительно места жительства ответчика обусловлено потребностью решения судом двух вопросов: правильного определения территориальной подсудности дела и надлежащего извещения ответчика о процессе. Актуальность первого вопроса снимается в тех случаях, когда территориальная подсудность дела никак не связана с местом жительства ответчика, – это правила альтернативной (ст. 47 ГПК), исключительной (ст. 48 ГПК) и договорной (ст. 49 ГПК) территориальной подсудности. Собственно, некоторые из этих правил как раз и рассчитаны на ситуации, когда место жительства ответчика является неизвестным. Согласно ч. 1 ст. 47 ГПК «иск к ответчику, место жительства которого неизвестно либо который не имеет места жительства в Республике Беларусь, может быть предъявлен по месту нахождения его имущества или по последнему известному месту его жительства в Республике Беларусь»³.

Что же касается второго вопроса, то выяснение места жительства ответчика вполне может быть осуществлено на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, в том числе путем объявления розыска ответчика через территориальные органы внутренних дел (ст. 149 ГПК). Кстати, именно это и происходит в тех случаях, когда истец по ошибке или умышленно указывает в исковом заявлении неправильный адрес места жительства от-

ветчика, и судебная корреспонденция возвращается в суд, не дойдя до своего адресата⁴. Кроме того, стоит учитывать, что в последнее время в судах все чаще применяются способы извещения, не предполагающие использования адреса места жительства ответчика (СМС-извещения, телефонограммы, электронная почта и пр.).

Таким образом, если истец не обладает информацией о месте жительства ответчика и место жительства ответчика не оказывает никакого влияния на определение территориальной подсудности дела, то не принимать от истца исковое заявление, в котором не указан адрес ответчика, очевидно, было бы не совсем справедливо. Примечательно, что в литературе уже отмечалась допустимость возбуждения дела в подобных ситуациях [8, с. 141; 9, с. 340; 10, с. 19]. В судебной практике тоже встречаются примеры принятия судами к производству дел, несмотря на отсутствие в исковом заявлении сведений об актуальном месте жительства ответчика⁵.

В этом плане весьма показательное следующее дело⁶. Гражданка обратилась в суд с иском о признании права собственности на гараж, при этом место жительства ответчицы в исковом заявлении не указала, так как оно ей неизвестно (по сообщению адресно-справочных служб областных УВД, ответчица проживающей или проживавшей на территории Республики Беларусь не значится). Районный суд своим определением оставил исковое заявление без движения, предложив истице устранить его недостаток – указать сведения о месте жительства (нахождения) ответчицы. Судебная коллегия по гражданским делам Гомельского областного суда оставила определение суда без изменения. Заместителем Председателя Верховного Суда Республики Беларусь на состоявшиеся

³Правда, с применением данного правила связан следующий вопрос: неизвестность места жительства ответчика позволяет предъявить иск (независимо от его сути) только в соответствии с ч. 1 ст. 47 ГПК, или с учетом характера заявленного требования возможно использование правил подсудности, закрепленных и другими частями данной статьи (т. е. подсудность иска об установлении отцовства при неизвестности места жительства ответчика определяется по ч. 1 или по ч. 3 ст. 47 ГПК)? Мы склоняемся ко второму варианту решения вопроса, тем более что эта позиция фактически отражена и в п. 5 постановления Пленума № 12.

⁴Если адрес ответчика так и не удастся установить (а иные, помимо повестки, способы извещения использовать не представляется возможным), то наступают предусмотренные ст. 148 ГПК последствия: при неизвестности фактического места пребывания ответчика суд начинает рассмотрение дела по поступлении судебной повестки или извещения с отметкой, удостоверяющей их получение организацией, осуществляющей эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющей жилищно-коммунальные услуги органом местного управления или самоуправления по последнему известному месту жительства ответчика или администрацией юридического лица – по последнему известному месту его работы.

Безусловно, данное правило не гарантирует интересов ответчика, и он, на наш взгляд, вправе в такой ситуации требовать отмены вынесенного судебного решения на основании п. 2 ч. 4 ст. 424 ГПК: «дело рассмотрено в отсутствие кого-либо из юридически заинтересованных в исходе дела лиц, не извещенных своевременно и надлежащим образом о времени и месте судебного заседания».

⁵Судебная практика по делам о взыскании расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (по материалам обзора) // Судовы весн. 2009. № 1. С. 56; Практика рассмотрения судами гражданских дел в порядке заочного производства (по материалам обзора) // Судовы весн. 2013. № 1. С. 28–29.

⁶Оно было дважды опубликовано на страницах официального издания Верховного Суда Республики Беларусь. См.: Иск к ответчику, место жительства которого неизвестно, может быть предъявлен по месту нахождения его имущества [извлечение из постановления президиума Гомельского областного суда] // Судовы весн. 2011. № 1. С. 49–50; Иск к ответчику, место жительства которого неизвестно, либо который не имеет места жительства в Республике Беларусь, может быть предъявлен по месту нахождения его имущества или по последнему известному месту его жительства в Республике Беларусь [извлечение из постановления президиума Гомельского областного суда] // Судовы весн. 2011. № 3. С. 56.

судебные постановления был принесен протест по мотивам существенного нарушения норм процессуального права. Так, со ссылкой на ст. 47, 77 ГПК в нем было указано, что действующее гражданское процессуальное законодательство предусматривает возможность предъявления иска к ответчику, место жительства которого неизвестно. Требования истицы заявлены с соблюдением правил исключительной подсудности, установленных ст. 48 ГПК (тем самым автор протеста, по всей видимости, хотел отразить ту мысль, что место жительства ответчицы для определения подсудности дела не имело значения). При таких обстоятельствах, резюмировалось в протесте, у суда не имелось оснований для оставления заявления без движения, и постановлением президиума Гомельского областного суда протест был удовлетворен.

Тем не менее полагаем, что, несмотря на логичность и справедливость описанного подхода, его нельзя признать полностью приемлемым. Ведь получается, что посредством подзаконных правовых актов – упомянутых выше постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь – или, того хуже, на уровне правоприменительной практики можно обойти или «подправить» любую неправильную (как это кому-то представляется) норму процессуального закона, что открывает самый широкий простор для нарушений в сфере судопроизводства режима законности. По нашему мнению, какой бы ошибочной ни была норма процессуального кодекса, проблема должна решаться не путем «корректировки» нормы постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь или ее игнорированием конкретной судебной инстанцией, а цивилизованным способом – через внесение в кодекс соответствующих изменений и (или) дополнений. Поэтому мы считаем, что нормы ГПК, закрепляющие требования к подаваемым в суды процессуальным документам, должны быть приведены в соответствие с правилами ГПК, допускающими рассмотрение дела в условиях неизвестности места жительства ответчика. Для этого п. 3 ч. 1 ст. 109 ГПК нужно дополнить следующим предложением (или оформить это предложение в качестве примечания к данной норме): «Место жительства (место нахождения) непосредственно заинтересованного в исходе дела лица не указывается в том случае, если оно не известно заявителю и не имеет значения для определения территориальной подсудности дела».

2. Норма ч. 2 ст. 58 КоБС устанавливает годичный срок для судебного оспаривания актовой записи о родителях ребенка. В соответствующем

обзоре правоприменительной практики констатируется, что данный срок является сроком исковой давности, вместе с тем далее указано, что «суды не всегда учитывали, что соблюдение годичного срока обращения с иском относится к обстоятельствам, имеющим значение для правильного разрешения данной категории дел. Не во всех случаях при рассмотрении дел об оспаривании записи об отцовстве суды исследовали вопрос о том, когда лицу, оспаривающему запись, стало известно о ее наличии либо об обстоятельствах, исключающих факт отцовства». И приводится пример, когда к моменту рассмотрения дела об оспаривании отцовства годичный срок исковой давности объективно истек, но суд (и это поставлено ему в вину) вопрос о соблюдении данного срока и уважительности причин его пропуска не исследовал и вынес решение об удовлетворении иска⁷.

Та же самая мысль – годичный срок для оспаривания отцовства должен применяться по инициативе суда – нашла отражение и в постановлении Президиума № 6, где в качестве недостатка деятельности судов отмечено то, что ими «не во всех случаях проверялись вопросы соблюдения истцом предусмотренного статьей 58 КоБС годичного срока для оспаривания отцовства» (абз. 9 преамбулы постановления Президиума № 6), и на этом основании судам предписано «обеспечить безусловное выполнение положений постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 12 о необходимости... соблюдения годичного срока для оспаривания отцовства» (ч. 2 п. 2 постановления Президиума № 6)⁸.

Представленный подход вызывает возражения по ряду причин. Во-первых, он не соответствует природе исковой давности как материально-правового срока – согласно ч. 1 п. 2 ст. 200 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) исковая давность подлежит применению только по заявлению стороны в споре, контролировать *ex officio* суд вправе соблюдение только процессуальных сроков, но никак не материально-правовых. Во-вторых, критикуемый подход обусловлен, видимо, тем обстоятельством, что в ст. 10 КоБС (она содержит перечисление тех статей ГК, которыми суду нужно руководствоваться при применении норм КоБС, предусматривающих исковую давность) отсутствует прямая ссылка на ст. 200 ГК. Но если рассуждать таким образом, то придется признать, что в семейно-правовых спорах суд не вправе применять не только ч. 1 п. 2 ст. 200 ГК, но и (что будет являться полным абсурдом) положения п. 1 ст. 200 ГК («требование о защите нарушенного права при-

⁷Практика рассмотрения судами дел об установлении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях (по материалам обзора) // Судовы весн. 2016. № 3. С. 54–65.

⁸Любопытно заметить, что данное предписание позиционируется в постановлении Президиума № 6 как направленное на выполнение положений постановления Пленума № 12, однако последнее никаких указаний на данный счет не содержит.

нимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности», ч. 2 п. 2 ст. 200 ГК («истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске»), п. 1 ст. 201 ГК («течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права»).

В-третьих, отсутствие упоминания в ст. 10 КоБС о ст. 200, 201 ГК является скорее недочетом право-творческих работ, нежели проявлением некоего умысла со стороны законодателя, потому что логически объяснить недопустимость применения положений названных статей ГК к семейно-правовым отношениям невозможно (к данным отношениям неприменима другая из неупомянутых в ст. 10 КоБС статей ГК – ст. 202 «Срок исковой давности при перемене лиц в обязательстве», поскольку семейно-правовые отношения тесно связаны с личностью их участников и перемена лиц в них не происходит). Причем это не единственный огрех, допущенный законодателем при регулировании в КоБС сроков. Так, в ст. 11 КоБС говорится, что при исчислении сроков, если иное не установлено законодательными актами, подлежат применению правила ст. 150, 151 ГПК. Но данные статьи ГПК регулируют исчисление процессуальных сроков, в то время как КоБС является нормативным актом материального права, поэтому более логично было бы в ст. 11 КоБС указать на применение правил главы 11 «Исчисление сроков» ГК.

В-четвертых, отсутствие в КоБС ссылок на определенные нормы ГК само по себе не означает того, что эти нормы ГК суд применять не вправе или, более того, обязан поступить совершенно противоположным, по сравнению с данными нормами, образом. Как сказано в ч. 5 п. 1 ст. 1 ГК, семейные отношения, отвечающие признакам, указанным в ч. 1, 2 п. 1 ст. 1 ГК, регулируются гражданским законодательством, если законодательством о браке и семье не предусмотрено иное. Полагаем, что законодательством о браке и семье иное не предусмотрено. В этом плане весьма показательно, что момент начала течения исковой давности урегулирован в КоБС (ч. 6 ст. 24, ч. 2 ст. 58) идентично тому, как это сделано в п. 1 ст. 201 ГК. В-пятых, в литературе прямо указывается, что в семейно-правовых спорах исковая давность применяется судом только по заявлению стороны спора [11, с. 55]. В-шестых, реализация на практике анализируемого подхода может противоречить интересам ребенка, равно как и его биологического отца, – помимо их воли воспрепятствовать оспариванию актовой записи о «юридическом» отце ребенка и, следовательно, исключить возможность оформления (установления) отцовства ребенка в отношении биологического отца.

3. В постановлении Президиума № 6 (абз. 7 его преамбулы) констатировано, что при решении вопросов о принятии отказа истца от иска, признании иска ответчиком суды, вопреки положениям ст. 61, 285 ГПК, не всегда выясняли мотивы данных распорядительных действий сторон и не по всем делам исследовали вопросы соблюдения прав и охраняемых законом интересов детей. По нашему мнению, подобное положение вещей обусловлено тем, что в постановлении Пленума № 12 недостаточно разъяснений по этому поводу. Так, в п. 14 постановления Пленума № 12 говорится лишь, что «ответчик может признать отцовство в судебном заседании». В таком случае суд вправе вынести решение об установлении отцовства без исследования обстоятельств дела по существу, положив в основу решения признание иска. Вопрос о признании иска ответчиком суд решает в соответствии со ст. 285 ГПК». Очевидно, что такие разъяснения нельзя признать полными. Что же касается указаний относительно отказа истца от иска об установлении отцовства, равно как и о соответствующих распорядительных действиях сторон по делам об оспаривании отцовства, то в постановлении Пленума № 12 их вообще нет. Думается, что постановление Пленума № 12 нужно дополнить недостающими разъяснениями, причем исходить при этом из следующего.

Во-первых, для решения вопроса о возможности принятия отказа истца от иска или признания иска ответчиком очень важно выяснить и принять во внимание мотивы (причины) распорядительного действия стороны. Мы уже подробно обосновывали, что отказ истца от иска, равно как и признание иска ответчиком, – это одностороннее волеизъявление стороны, которым она признает неправомерность своей позиции в возникшем споре и тем самым соглашается с позицией противной стороны конфликта [12, с. 66–67]. Так, отказ от иска об установлении отцовства может быть принят только в том случае, если сторона истца признает, что ответчик в действительности не является отцом ребенка, а признание иска ответчиком – если ответчик полностью подтверждает свое отцовство по отношению к ребенку. При наличии любых иных мотивов (отсутствие средств на ведение процесса, утрата важных доказательств и пр.) распорядительное действие стороны не может быть судом принято, поскольку будет нарушать ее интересы.

Во-вторых, следует учитывать доказательственное значение соответствующего волеизъявления стороны и его согласованность (непротиворечие) с материалами дела. Например, признание ответчиком иска об установлении отцовства имеет повышенное доказательственное значение и потому уже само по себе может являться достаточным основанием для удовлетворения иска (в этом случае нет необходимости назначать судебную экспертизу

для выяснения отцовства), что видно из ч. 4 ст. 57 КоБС [6, с. 21–22, 25] и дополнительно подтверждается содержанием п. 14 постановления Пленума № 12. Однако если признание иска противоречит заключению экспертизы, то приниматься оно не должно⁹. Признание же ответчиком иска об оспаривании отцовства обладает гораздо меньшим доказательственным значением и, значит, всегда должно «усиливаться», подкрепляться иными материалами дела [6, с. 23–25]. Точно так не должен быть голословным (равно как и не противоречить имеющимся в деле доказательствам, в частности заключению эксперта) отказ истца от иска об установлении или об оспаривании отцовства.

4. В п. 13 постановления Пленума № 12 разъяснено: «Если обстоятельства, указанные истцом в обоснование иска об установлении отцовства, не нашли подтверждения, суд по своей инициативе обязан выяснить, имели ли место другие перечисленные в ст. 57 КоБС обстоятельства или одно из них, и с согласия истца на изменение основания иска вправе обосновать решение ссылкой на иные установленные обстоятельства». Данное разъяснение направлено на обеспечение интересов ребенка. Ведь отказывая в удовлетворении иска об установлении отцовства, суд своим решением констатирует, что ответчик отцом ребенка не является. Такое решение в силу правила исключительности препятствует предъявлению любого нового иска к тому же ответчику об установлении его отцовства в отношении того же самого ребенка, даже если исковое заявление будет содержать ссылки на факты, не исследовавшиеся в прежнем процессе [13, с. 338]. Значит, занимаясь выяснением наличия иных (помимо указанных инициатором иска) обстоятельств, позволяющих установить отцовство, суд объективно действует в интересах ребенка, предотвращая угрозу их нарушения.

Однако с приведенным разъяснением связаны и не совсем позитивные моменты. Во-первых, разъяснение содержит в себе внутреннее противоречие: с одной стороны, из него следует, что суду для изменения основания иска всегда нужно получать согласие истца, однако, с другой стороны, получается (и это противоречит принципу диспозитивности), что суд полномочен изменить основание иска еще до получения этого согласия, поскольку по собственной инициативе сперва обязан выяснить наличие обстоятельств, составляющих новое основание иска. Во-вторых, возможность изменения судом с согласия истца основания иска сама по себе еще не означает того, что суд вправе (или обязан) проявлять инициативу в установлении фактов нового основания иска. Ведь по общему правилу доказательства собираются и пред-

ставляются суду юридически заинтересованными в исходе дела лицами, а суд при соблюдении ряда условий вправе лишь оказывать им содействие в собирании доказательств (ст. 20, 179, 232, 233 ГПК). В связи с этим полагаем, что суд может изменить основание иска (неважно, с согласия истца или без такого согласия, когда это допускает закон), только если заинтересованными лицами уже представлены (пусть и не специально для данной, а для какой-то другой цели) доказательства существования нового основания иска. Подтверждением тому служит норма ч. 1 ст. 298 ГПК, по смыслу которой изменение судом основания иска допускается «при вынесении решения», т. е. в тот момент процесса, когда все факты, свидетельствующие о возможности изменения основания иска, заинтересованными лицами доказаны и соответственно для суда очевидны.

В-третьих, разъяснение уже морально устарело. В настоящее время, по сути, не очень и важно, какие обстоятельства привел инициатор иска об установлении отцовства в обоснование своих требований, так как с 2006 г. в результате изложения в новой редакции главы 8 КоБС изменились в сторону повышения стандарты доказывания (выяснения истины) по делам об установлении отцовства [6, с. 22, 25]. Приоритетное значение для суда при установлении отцовства теперь имеют критерии, названные в первом предложении ч. 4 ст. 57 КоБС: доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от предполагаемого отца (таковым доказательством может являться только заключение судебной генетической экспертизы, назначать проведение которой суд обязан независимо от наличия ходатайства со стороны подателя иска), или признание предполагаемым отцом ребенка (подразумевается судебное признание ответчиком своего отцовства). Обстоятельства же, перечисленные во втором предложении ч. 4 ст. 57 КоБС (обычно именно они указываются в исковом заявлении об установлении отцовства), – совместное воспитание или содержание ребенка матерью и предполагаемым отцом, совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью и предполагаемым отцом до рождения ребенка – имеют сейчас сугубо вспомогательное (субсидиарное) значение.

5. В п. 15 постановления Пленума № 12 сказано, что, «если ответчик в судебном заседании выражает согласие подать в органы, регистрирующие акты гражданского состояния, заявление об установлении отцовства, суд вправе отложить рассмотрение дела на определенный срок. При предоставлении суду свидетельства о рождении, выданного на основании записи об установлении отцовства, производство по делу подлежит прекращению в со-

⁹Практика рассмотрения судами дел об установлении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях (материнства), об оспаривании записи о родителях (по материалам обзора) // Судовы весн. 2016. № 3. С. 56.

ответствии с п. 1 ст. 164 ГПК». Прежде всего здесь упущено из виду, что ст. 164 ГПК имеет деление на части, и пункты содержатся только в первой части данной статьи¹⁰. Далее, в разъяснении высшей судебной инстанции не учтено, что ст. 159 ГПК в 2012 г. была изложена в новой редакции, в результате чего теперь согласно ч. 1 ст. 159 ГПК отложение разбирательства дела возможно только в случаях, прямо оговоренных ГПК¹¹, но для случая, описанного в п. 15 постановления Пленума № 12, ГПК не предусматривает отложения разбирательства дела. Не в полной мере соблюдены положения ч. 2 ст. 54, ч. 3 ст. 214 КоБС (заявление должно быть совместным – от ответчика и матери ребенка – и называться «О регистрации установления отцовства»), а также не принято во внимание, что установление отцовства в добровольном порядке подтверждается не только новым свидетельством о рождении, но и свидетельством об установлении отцовства.

Помимо этого, нами ранее указывалось, что в рассматриваемой ситуации прекращать производство нужно в связи с отказом истца от иска (п. 3 ч. 1 ст. 164 ГПК), а не по причине неподведомственности суду дела (п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК). Нам представлялось, что разъяснение п. 15 постановления Пленума № 12 было дано под влиянием господствующей в науке и практике точки зрения о том, что отказ от иска всегда сопряжен с отказом истца от своих материальных правомочий, а поскольку в анализируемой ситуации истец ни от каких материальных прав не отказывается (и отказаться не может), то Верховный Суд Республики Беларусь, посчитав невозможным использование норм об отказе от иска, не нашел ничего лучшего, чем рекомендовать судам руководствоваться п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК. Мы же, придерживаясь мнения, что отказ от иска есть не отказ истца от материального права, а признание им своей неправоты в возникшем конфликте, аргументировали, что по данному основанию в нашем случае прекратить производство допустимо. Ведь поддержание истцом иска об уста-

новлении отцовства после того, как ответчиком отцовство в добровольном порядке установлено, есть отстаивание уже неправомерной позиции в споре (невозможно требовать установления отцовства, если это отцовство уже установлено). Поэтому логично, что в такой ситуации суду следует разъяснить истцу право отказаться от иска (т. е. признать, что к данному моменту его позиция в споре стала неправомерной) и, при реализации истцом данного права, прекращать производство по делу в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 164 ГПК, а если истец по каким-то причинам не пожелает воспользоваться указанным правом, то завершать процесс иным (но тоже свидетельствующим о неправомерности позиции истца) образом – вынесением решения об отказе истцу в иске [13, с. 322, 400].

Подтверждая приверженность своей ранее высказанной позиции относительно способов завершения процесса, вместе с тем уточним, что господствующая точка зрения на природу отказа истца от иска не единственная и, быть может, даже не основная причина, обусловившая содержание п. 15 постановления Пленума № 12. Аналогичного рода разъяснение было дано еще в советское время Пленумом Верховного Суда СССР (он предлагал при добровольном установлении отцовства ответчиком прекращать производство по идентичному основанию: «Дело не подлежит рассмотрению в судебных органах») [7, с. 100], и отдельные ученые обосновывали причины такого подхода следующим образом: в результате ликвидации спора в добровольном порядке процесс (и его потенциальный результат в виде судебного решения) утрачивает свой предмет, а значит, становится излишним, ненужным, соответственно истец в подобной ситуации не может иметь интереса ни в продолжении процесса, ни в получении судебного решения [8, с. 42–46]¹².

Вообще, мнение о том, что процесс (спор, иск) может не иметь предмета или утратить его, является довольно распространенным в литературе¹³ [8, с. 45, 89–90; 14, с. 71; 15, с. 6] и правопри-

¹⁰Подобная ошибка является довольно распространенной. Она встречается и в других документах высшей судебной инстанции (см., например, ч. 2 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда от 18 марта 1994 г. № 1 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение»), а также в публикуемых ею судебных казусах и обзорах правоприменительной практики (см.: Решение суда отменено с прекращением производства по делу, так как при его вынесении судом не учтен тот факт, что споры между акционером и акционерным обществом, участниками иных хозяйственных обществ и товариществ, возникающие при осуществлении деятельности этими обществами и товариществами, за исключением трудовых споров, подведомственны хозяйственному суду [извлечение из постановления президиума Гродненского областного суда] // Судовы весн. 2010. № 4. С. 49 ; Заявление об установлении факта отцовства в отношении граждан, родившихся до 1 октября 1968 г., не подлежит рассмотрению в суде ввиду его неподведомственности [извлечение из постановления президиума Минского городского суда] // Судовы весн. 2016. № 1. С. 49 ; Практика рассмотрения судами дел об установлении отцовства (материнства), об оспаривании записи о родителях (по материалам обзора) // Судовы весн. 2016. № 3. С. 57).

¹¹Новшество, безусловно, крайне неудачное и неоправданное, на что мы уже обращали внимание. См.: Скобелев В. П. Новеллы правового регулирования временных прерывов в судебном разбирательстве гражданских дел // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 11–12 окт. 2012 г.) / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. Минск : Бизнесофсет, 2012. С. 224–225.

¹²Такими же доводами аргументировалась необходимость прекращения производства по указанному основанию и в некоторых других ситуациях, в частности, когда в ходе процесса по иску о восстановлении на работе ответчик добровольно удовлетворял требования истца. См.: Радченко П. И. Процессуальные гарантии судебной защиты конституционного права на труд : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03. Харьков, 1980. 16 с.

¹³Там же.

менительной практике (некоторые публикуемые высшей судебной инстанцией казусы даже имеют такое наименование¹⁴), причем под отсутствием (утратой) предмета процесса понимаются ситуации, когда объективно отсутствует нарушение прав (интересов) истца – по причине того, что или такого нарушения вообще не было, или оно имело место, но его последствия ответчиком были устранены (например, наниматель до или в ходе процесса восстановил на работе незаконно уволенного работника) либо истцом было утрачено само право (в частности, признаны недействительными регистрация товарного знака, патент на изобретение).

Признать подобную точку зрения верной нельзя. Ее сторонники отсутствие предмета процесса (спора, иска) связывают с объективной необоснованностью требований (утверждений) истца. Но ответ на вопрос, насколько требования (утверждения) истца объективно обоснованы, можно получить только из судебного решения, вынесенного по результатам полномасштабного разбирательства дела¹⁵. Выходит, что, не проведя процесс (не рассмотрев спор, иск), нельзя установить наличие у него (у них) предмета, хотя по логике вещей все должно быть наоборот: наличие у процесса (спора, иска) предмета должно быть условием его (их) проведения (рассмотрения). Кроме того, получается, что в том случае, когда суд отказывает истцу в иске, весь проведенный процесс (рассмотренный спор, иск) оказывается беспредметным, т. е. не имеющим перед собой цели. Но чем тогда можно и нужно называть итоги проведения процесса (рассмотрения спора, иска), объективированные в судебном решении?

Отмеченных противоречий можно избежать, если изменить подход к пониманию предмета процесса (спора, иска). Таковым, на наш взгляд, является не **утверждаемое истцом**, а **действительное (ис-**

тинное) материально-правовое положение истца и ответчика, т. е. вопрос о том, имеется ли в действительности у истца утверждаемое им право и было ли на самом деле это право нарушено ответчиком. Данный вопрос истец ставит перед судом путем предъявления и поддержания своего иска. Следовательно, предъявление и поддержание иска истцом – это те действия, которые, во-первых, наделяют процесс (спор, иск) его предметом (другими словами, возбужденное в суде дело априори имеет предмет, у судебного дела не может не быть предмета), во-вторых, объективируют вовне заинтересованность истца в проведении процесса и получении судебного решения.

Поэтому очевидная (явная) для суда неправомерность утверждений (позиции) истца или, как это принято называть, отсутствие предмета процесса (спора, иска) не может служить основанием для прекращения производства по делу. Если истец продолжает поддерживать иск, это значит, что перед судом по-прежнему стоит вопрос, каково действительное материально-правовое положение истца и ответчика, и на данный вопрос он обязан ответить путем вынесения решения, каким бы очевидным (бесспорным) это правовое положение суду ни казалось. Кстати, для самого истца его взаимоотношения с ответчиком могут видаться далеко не столь очевидными (бесспорными), что, собственно, и может быть причиной дальнейшего поддержания истцом иска, даже несмотря на совершение в его пользу определенных действий ответчиком. Помимо этого, критикуемый подход неприемлем еще и по той причине, что способен спровоцировать судебные ошибки: досрочное завершение процесса может помешать суду разобраться во всех обстоятельствах дела и установить, что в действительности права (интересы) истца нарушены.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) совершение судом действий, предусмотренных ст. 148 ГПК, не свидетельствует о надлежащем извещении ответчика и дает последнему право требовать отмены решения на основании п. 2 ч. 4 ст. 424 ГПК;

2) пункт 3 ч. 1 ст. 109 ГПК необходимо дополнить следующим предложением (или оформить это предложение в качестве примечания к данной норме): «Место жительства (место нахождения) непосредственно заинтересованного в исходе дела лица

не указывается в том случае, если оно не известно заявителю и не имеет значения для определения территориальной подсудности дела»;

3) предусмотренный ч. 2 ст. 58 КоБС срок может применяться только по заявлению ответчика, но не по инициативе суда;

4) постановление Пленума № 12 нужно дополнить подробными разъяснениями (их суть изложена в тексте статьи), относительно условий принятия судом отказа истца от иска и признания иска ответчиком по делам об установлении и об оспаривании отцовства;

¹⁴См.: Отсутствие предмета спора явилось основанием для отказа истцу в иске [извлечение из решения судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь] // Судовы весн. 2011. № 1. С. 43–44; Основанием отказа в иске послужило отсутствие предмета спора [извлечение из решения судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь] // Судовы весн. 2012. № 1. С. 49–50.

¹⁵Исключение из этого правила составляет лишь случай отказа истца от иска, поскольку, как уже указывалось выше, данным действием истец признает неправомерность своей позиции в споре.

5) пункт 13 постановления Пленума № 12 по ряду моментов (относительно соблюдения принципа диспозитивности, стандарта и правил доказывания) не соответствует предписаниям КоБС и ГПК, что обуславливает потребность внесения в него соответствующих корректировок;

6) второе и третье предложения п. 15 постановления Пленума № 12 следует изложить в новой редакции: «Если ответчик в судебном заседании выражает согласие установить отцовство в добровольном порядке, суд по аналогии с ч. 1 ст. 159 ГПК вправе отложить разбирательство дела на опре-

деленный срок. При предоставлении суду доказательств установления отцовства суд разъясняет стороне истца¹⁶ право отказаться от иска (ч. 3 ст. 61 ГПК) и при реализации данного права прекращает производство согласно п. 3 ч. 1 ст. 164 ГПК. Если сторона истца данным правом не воспользуется, суд своим решением отказывает в иске об установлении отцовства»;

7) судебного процесса (спора, иска) без предмета не может быть. Таковым предметом является вопрос о действительном (истинном) материально-правовом положении истца и ответчика.

Библиографические ссылки

1. Евдокимова ТП. *Разрешение судом семейно-правовых споров*. Москва: Норма; 2008. 272 с.
2. Кострова Н. Особенности возбуждения дел об установлении отцовства. *Советская юстиция*. 1977;17:18–19.
3. Матерова М. В. *Судебное рассмотрение дел об установлении отцовства*. Москва: Юридическая литература; 1972. 112 с.
4. Скобелев ВП. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения судами дел, связанных с установлением происхождения детей. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2020;2:10–27.
5. Кострова НМ, редактор. *Судебная защита семейных прав*. Москва: Городец; 2008. 240 с.
6. Червяков КК. *Установление и прекращение родительских прав и обязанностей*. Москва: Юридическая литература; 1975. 104 с.
7. Яковлева ГВ. *Охрана прав незамужней матери*. Минск: Издательство БГУ; 1979. 120 с.
8. Пушкар ЕГ. *Конституционное право на судебную защиту (гражданско-процессуальный аспект)*. Львов: Вища школа; 1982. 216 с.
9. Белова ТА, Колядко ИН, Мирониченко ИА, редакторы. *Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь*. Минск: Тесей; 2005. 864 с.
10. Белова ТА, Колядко ИН, Юркевич НГ, редакторы. *Гражданский процесс. Особенная часть*. Минск: Амалфея; 2007. 592 с.
11. Тихиня ВГ, Голованов ВГ, Ананич СМ, редакторы. *Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье*. Минск: ГИУСТ БГУ; 2010. 680 с.
12. Скобелев ВП. Отказ истца от иска: правовая природа и последствия осуществления. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2018;1:61–73.
13. Скобелев ВП. *Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе*. Минск: БГУ; 2018. 447 с.
14. Ванеева ЛА. Реализация конституционного права граждан СССР на судебную защиту в гражданском судопроизводстве. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета; 1988. 152 с.
15. Шкурдюк Ж. Восстановление прав в сфере интеллектуальной собственности посредством правосудия. *Судовы веснік*. 2011;3:3–7.

References

1. Evdokimova TP. *Razreshenie sudom semeino-pravovyykh sporov* [Court resolution of family law disputes]. Moscow: Norma; 2008. 272 p. Russian.
2. Kostrova N. [Peculiarities of initiating cases of establishing paternity]. *Sovetskaya yustitsiya*. 1977;17:18–19. Russian.
3. Materova MV. *Sudebnoe rassmotrenie del ob ustanovlenii ottsovstva* [Judicial review of cases of establishing paternity]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1972. 112 p. Russian.
4. Skobelev VP. Procedural features of the consideration and resolution by the courts of cases related to the establishment of the origin of children. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2020;2:10–27. Russian.
5. Kostrova NM, editor. *Sudebnaya zashchita semeinykh prav* [Judicial protection of family rights]. Moscow: Gorodets; 2008. 240 p. Russian.
6. Chervyakov KK. *Ustanovlenie i prekrashchenie roditel'skikh prav i obyazannostei* [Establishment and termination of parental rights and obligations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1975. 104 p. Russian.
7. Yakovleva GV. *Okhrana prav nezamuzhnei materi* [Protecting the rights of an unmarried mother]. Minsk: Izdatel'stvo BGU; 1979. 120 p. Russian.
8. Pushkar EG. *Konstitutsionnoe pravo na sudebnuyu zashchitu (grazhdansko-protsessual'nyi aspekt)* [Constitutional right to judicial protection (civil procedural aspect)]. Lviv: Vyshha shkola; 1982. 216 p. Russian.
9. Belova TA, Kolyadko IN, Mironichenko IA, editors. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Grazhdanskomu protsessual'nomu kodeksu Respubliki Belarus'* [Scientific and practical commentary on the Civil Procedure Code of the Republic of Belarus]. Minsk: Theseus; 2005. 864 p. Russian.

¹⁶Под стороной истца здесь понимается законный представитель несовершеннолетнего ребенка или сам ребенок, достигший совершеннолетия.

10. Belova TA, Kolyadko IN, Yurkevich NG, editors. *Grazhdanskii protsess. Osobennaya chast'* [Civil process. Special part]. Minsk: Amalfeya; 2007. 592 p. Russian.
11. Tikhinya VG, Golovanov VG, Ananich SM, editors. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Kodeksu Respubliki Belarus' o brake i sem'e* [Scientific and practical commentary on the Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family]. Minsk: State Institute of Management of Social Technologies of the Belarusian State University; 2010. 680 p. Russian.
12. Skobelev VP. Refusal of claimant from claim: legal nature and consequences of implementation. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2018;1:61–73. Russian.
13. Skobelev VP. *Zakonnaya sila postanovlenii suda pervoi instantsii v grazhdanskom protsesse* [The legal force of judgments of a court of first instance in a civil proceeding]. Minsk: Belarusian State University; 2018. 447 p. Russian.
14. Vaneeva LA. *Realizatsiya konstitutsionnogo prava grazhdan SSSR na sudebnuyu zashchitu v grazhdanskom sudoproizvodstve* [The implementation of the constitutional right of citizens of the USSR to judicial protection in civil proceedings]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta; 1988. 152 p. Russian.
15. Shkurdyuk Zh. [Restoration of rights in the field of intellectual property through justice]. *Sudovy vesnik*. 2011;3:3–7. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.07.2020.
Received by editorial board 07.07.2020.